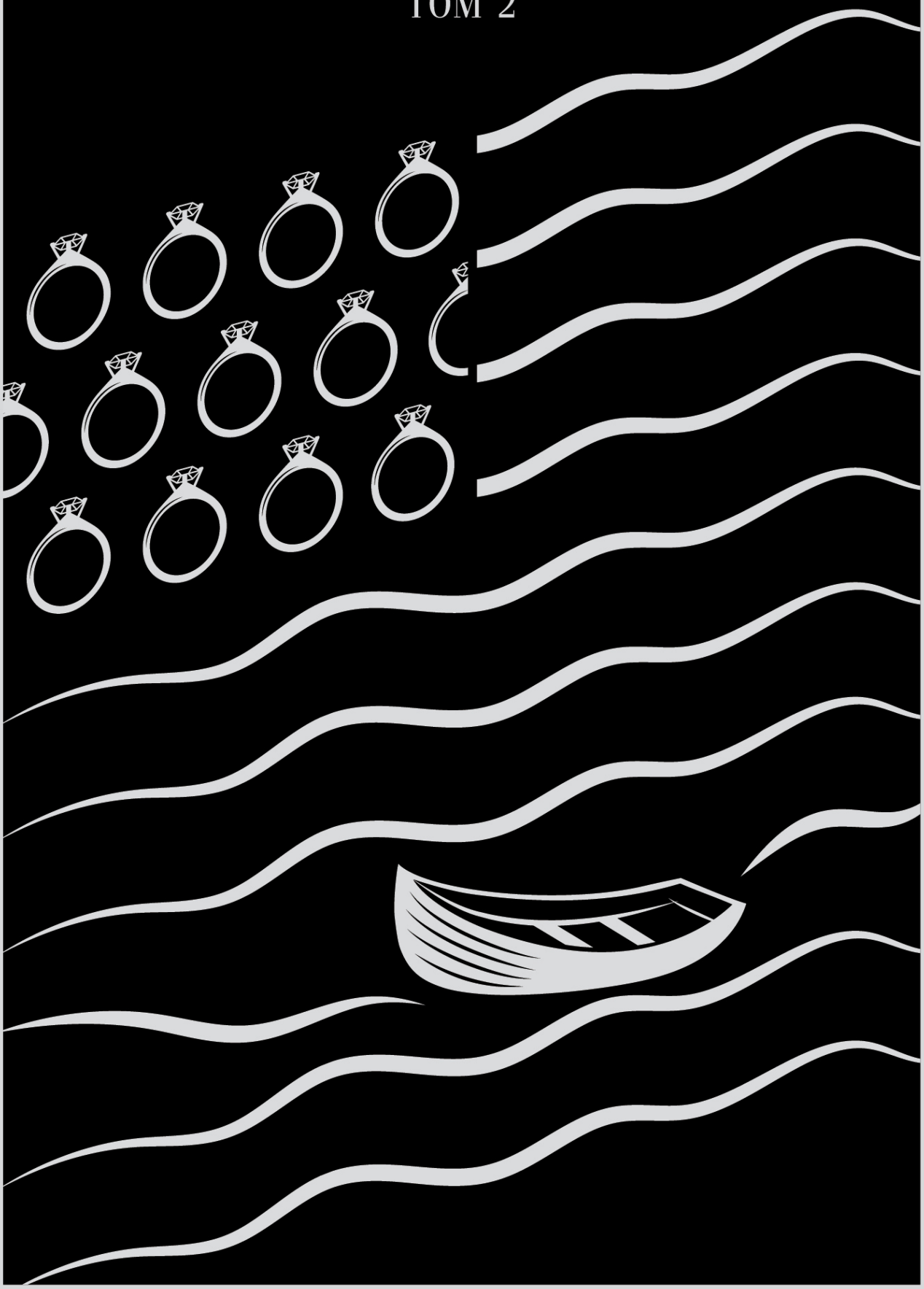
ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Американская трагедия

ТОМ 2

Магистраль. Главный тренд

Теодор Драйзер

Американская трагедия. Том 2

«Эксмо»
1925

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Драйзер Т.

Американская трагедия. Том 2 / Т. Драйзер — «Эксмо», 1925 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-256079-8

Теодор Драйзер (1871–1945) – американский писатель и общественный деятель. В 1944 г. получил Почетную золотую медаль за выдающиеся достижения в области искусства и литературы от Американской академии искусств и литературы. В 1927 г. совершил путешествие по СССР и опубликовал книгу «Драйзер смотрит на Россию». Роман «Американская трагедия» – вершина творчества автора. В нем молодой человек, вкусивший всю прелесть жизни богатых, так жаждет утвердиться в их обществе, что идет ради этого на преступление. Драйзер говорил: «Никто не создает трагедий – их создает жизнь. Писатели лишь изображают их». История Клайда Грифитса, показанная столь талантливо, не оставляет равнодушными уже несколько поколений читателей. Основанная на реальных событиях криминально-судебная история, психологическая драма и одновременно суровая отповедь «американской мечте» стала сюжетной основой нескольких художественных фильмов.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-256079-8

© Драйзер Т., 1925
© Эксмо, 1925

Содержание

Книга вторая (продолжение) 6
Глава XXXIX 6
Глава XL 10
Глава XLI 13
Глава XLII 15
Глава XLIII 22
Глава XLIV 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Теодор Драйзер
Американская трагедия. Том 2

Theodore Dreiser
AN AMERICAN TRAGEDY

© Нора Галь, перевод на русский язык. Наследники, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Книга вторая (продолжение)

Глава XXXIX

Когда стремления двух людей столь противоположны и когда к тому же оба не способны выпутаться из создавшегося затруднительного положения, это может привести лишь к еще большим трудностям и даже к катастрофе, если только не придет на помощь какой-то счастливый случай. Но случай не приходил. А присутствие Роберты на фабрике не позволяло Клайду забывать о грозящей беде. Если б только убедить ее уехать куда-нибудь, найти работу где-нибудь в другом месте, чтобы она не была все время у него перед глазами! Тогда он мог бы все обдумать более спокойно… Но сейчас, когда она всем своим видом непрерывно спрашивала, что он намерен предпринять, он совсем не мог думать. А его теперешнее равнодушие к ней заставляло его забывать о том, что он обязан считаться с ее интересами. Он был слишком влюблен в Сондру и потому совсем сбит с толку.

Как ни сложна была стоявшая перед Клайдом задача, он все-таки продолжал мечтать о Сондре, и тяжелые затруднения, связанные с Робертой, казались ему подчас всего лишь тенью, облаком, омрачавшим эту мечту. И вот по вечерам, так часто, как только позволяли еще не порванные отношения с Робертой, он стремился насладиться всем тем, что могли дать ему светские знакомства. К его величайшей гордости и удовлетворению, его приглашали то на обед к Гарриэтам или Тэйлорам, то на вечеринку к Финчли или Крэнстонам, – и он либо должен был сопровождать Сондру, либо шел в радостной надежде с нею встретиться. А она теперь уже не прибегала к хитростям и притворству, которыми раньше прикрывала свой интерес к Клайду, и зачастую открыто искала встречи с ним в обществе. Но так как эти встречи происходили на обычных для ее круга сборищах молодежи, то старшие, разумеется, не придавали им особого значения.

Миссис Финчли, крайне щепетильная и осторожная в выборе знакомств, сперва была не слишком довольна тем вниманием, которое проявляли к Клайду ее дочь с подругами. Однако его все охотнее принимали не только у нее в доме, но и в компании, к которой принадлежала Сондра, да и в других домах, чуть ли не повсюду, – и она стала думать, что Клайд, вероятно, занимает более солидное положение в свете, чем ей говорили раньше. Она попробовала расспросить о нем сына и даже Сондру. Но Сондра лишь сказала уклончиво, что раз он двоюродный брат Гила и Беллы Грифитс и его всюду охотно приглашают, потому что он очень милый, – даже если у него и нет денег, – так почему бы ей и Стюарту не принимать его? Миссис Финчли решила пока удовлетвориться этим и только посоветовала дочери ни в коем случае не заводить с Клайдом слишком большой дружбы. Сондра понимала, что мать отчасти права, но ее слишком тянуло к Клайду, и потому она решила обманывать мать, – во всяком случае, тайком она будет вести себя с Клайдом так свободно, как ей вздумается. Так оно и шло, и всякий, кто был свидетелем их встреч, мог бы сказать, что близость Сондры и Клайда становится все более тесной и, знай об этом Финчли-родители, они бы, конечно, очень встревожились. Не говоря уже о том, как мечтал о ней Клайд, и сама Сондра была теперь во власти таких мыслей и настроений, которые граничили с самыми гибельными проявлениями таинственной алхимии любви. В самом деле, кроме рукопожатий, поцелуев и обмена восхищенными взглядами в минуты, когда предполагалось, что никто этого не видит, тут были и туманные, но возникавшие снова и снова мечтания о будущем, которое каким-то образом, еще не ясным ни Клайду, ни Сондре, должно было их соединить.

Вот настанут летние дни – до этого уже недалеко, – и они вдвоем поплывут на байдарке по Двенадцатому озеру… длинные тени прибрежных деревьев протянулись по серебристой

воде, ветерок рябит водную гладь, Клайд лениво гребет, а она полулежит на корме и мучает его намеками на будущее… Поросшая мягкой травой, пестрая от солнечных пятен лесная тропинка, уходящая на юго-запад от дач Крэнстонов и Фэнтов, неподалеку от владений Финчли, – по ней в июне и в июле они станут ездить верхом к живописному мысу Вдохновения (около семи миль к западу)… Благотворительный базар в Шейроне, где она в цыганском костюме – воплощенная романтика – будет хозяйничать в каком-нибудь киоске, либо в щегольской амазонке показывать свое искусство наездницы… Пикники, танцы днем и при лунном свете, когда, томно покоясь в его объятиях, она будет смотреть ему в глаза…

Никаких материальных забот. Никаких мыслей о возможном сопротивлении со стороны ее родителей. Одна только любовь, лето и идиллическое, полное счастья приближение к той минуте, когда в конце концов, наперекор всем препятствиям, прочные узы соединят их навеки.

А тем временем прошло еще два долгих тоскливых и страшных месяца, и Роберта все не решалась на тот шаг, который должен был погубить Клайда. Хотя она и была убеждена, что Клайд только обдумывает, как бы ускользнуть от ответственности, и вовсе не собирается на ней жениться, – однако и она, как он, плыла по течению, боясь действовать решительно. Ибо после того разговора, когда она сказала ему о необходимости обвенчаться, Клайд уже несколько раз неясно, намеками угрожал, что не женится на ней, даже если она обратится к его дяде, – просто возьмет и уедет отсюда.

Клайд изображал дело так, что, если ему помешают сохранить его нынешнее положение в Ликурге, он будет не в состоянии жениться, – более того, он, вероятно, ничем не сможет помочь Роберте как раз тогда, когда она будет чрезвычайно нуждаться в помощи. Этот намек навел Роберту на размышления об известной жестокости в характере Клайда, которая до сих пор в полной мере еще не обнаруживалась; впрочем, если бы Роберта как следует поразмыслила, она бы заметила эту его черту уже давно, когда Клайд впервые настоял, чтобы она впустила его в свою комнату.

Видя, что Роберта ничего не предпринимает, и все же побаиваясь, как бы она не отважилась его разоблачить, Клайд несколько изменил свое поведение: вместо полнейшего равнодушия, с каким он держался до тех пор, пока она не стала ему угрожать, он проявлял теперь притворное внимание, доброжелательство и дружелюбие. Положение, в котором оказался Клайд, было достаточно опасным и пугающим, чтобы развить в нем изворотливость, прежде ему несвойственную. Кроме того, Клайд весьма наивно надеялся, что, пожалуй, ему удастся смягчить, обезоружить Роберту: нужно вести себя так, словно он по-прежнему живо озабочен ее положением и, на худой конец, если не найдется другого выхода, даже готов на ней жениться (в действительности никто никогда не убедил бы его взять на себя такое обязательство). Тогда она не станет заставлять его немедленно что-то предпринимать – и он, выиграв время, постарается всеми правдами и неправдами увильнуть от брака и при этом не бежать из Ликурга.

Роберта понимала, чем вызвана эта внезапная перемена, но она была так безнадежно одинока и растеряна, что охотно прислушивалась к его притворно сочувственным, лишенным подлинной сердечности рассуждениям и советам. И Клайд уговорил ее подождать еще немного. Тогда он не только успеет накопить денег, но и постарается так устроить свои дела на фабрике, что можно будет уехать хоть на время из Ликурга и где-нибудь обвенчаться. Потом он устроит Роберту с ребенком в другом городе, где она в качестве замужней женщины сможет жить спокойно, а сам (хотя в то время он этого ей и не сказал) вернется в Ликург и будет посылать ей деньги – сколько сможет. Но все это, разумеется, при одном условии: пока он не позволит, она никому не должна говорить, что он ее муж и отец ее ребенка. Подразумевалось также (Роберта снова и снова твердила об этом – лишь бы он женился на ней), что она постарается получить развод, сославшись хотя бы на то, что муж оставил ее, и сделает это побыстрее и где-нибудь подальше от Ликурга, чтобы здесь никто ничего не узнал. Впрочем, Клайд вовсе не был уверен, что она это сделает, если уж он на ней женится.

Разумеется, Клайд не был искренен, когда обещал все это, а потому его мало заботило, искренне ли говорит Роберта. Он вовсе не собирался добровольно уезжать из Ликурга, даже на то короткое время, которое требовалось, чтобы выручить ее из беды. Ведь это значило бы расстаться с Сондрой, а такая разлука сильно повредила бы его планам. И вот он по-прежнему бездействовал и порою праздно фантазировал о какой-нибудь мнимой, поддельной свадьбе, вроде той, которую он видел когда-то в кино, в каком-то мелодраматическом фильме: с фальшивым священником и лжесвидетелями, сговорившимися обмануть какую-то дурочку из захолустья; но Роберта совсем не дурочка, да и требовалось для этого слишком много времени, денег, смелости и ловкости, и Клайд после недолгого размышления сообразил, что ему такое не под силу.

Он понимал, что идет прямо навстречу близкой неминуемой катастрофе, от которой его могла спасти лишь какая-нибудь совершенно непредвиденная случайность. А порою он даже мечтал, что в роковой час, когда Роберту уже нельзя будет обмануть никакими уловками и она захочет обличить его, он просто будет все отрицать: заявит, что ни в какой связи с нею не состоял и знает ее только как работницу своего отделения, не больше. Его просто шантажируют!

В начале мая Роберта, чувствуя себя плохо и опасаясь, как бы ее состояние не заметили окружающие, стала настойчиво внушать Клайду, что при самых героических усилиях она сможет оставаться на фабрике не дольше первого июня: ведь к тому времени девушки, наверно, станут уже замечать, что она в положении, и этого ей не вынести. Но тут как раз Сондра сообщила ему, что не позднее пятого июня она, ее мать и Стюарт с несколькими слугами переезжают на новую дачу на Двенадцатом озере, чтобы устроиться как следует, прежде чем начнется настоящий сезон. И затем, не позже восемнадцатого, когда туда же переедут Крэнстоны, Гарриэты и еще кое-кто (возможно, приедут погостить Белла и Майра), Клайд может ждать приглашения на субботу и воскресенье от Крэнстонов, – она устроит это через Бертину. Потом (все обстоятельства этому благоприятствуют) последуют, конечно, и приглашения от Гарриэтов, Фэнтов и от некоторых других обитателей Двенадцатого озера, а пожалуй, и от Грифитсов на Лесное, – туда он свободно может поехать благодаря Белле. А во время своего двухнедельного отпуска, в июле, он мог бы поселиться в «Казино» на Сосновом мысе; возможно, Крэнстоны или Гарриэты даже пригласят его к себе по ее совету. Во всяком случае, Клайд понял, что при вполне посильных расходах (для этого надо лишь немножко урезать себя сейчас) он сможет изведать дачную жизнь на озерах, о которой он столько читал в местных газетах, а главное – часто видеться с Сондрой то на одной, то на другой даче, где хозяева не так неприязненно относятся к нему, как родители Сондры.

Теперь Сондра впервые объяснила ему, что ее мать и отец недовольны постоянным явным ухаживанием Клайда и стали уже поговаривать о продолжительном путешествии по Европе: возможно, Сондра и Стюарт вместе с матерью пробудут за границей не меньше двух лет. Но, видя, как от этой новости омрачилось лицо и упало настроение Клайда, Сондра, сама очень огорченная, сейчас же прибавила, что не надо принимать это слишком близко к сердцу, не надо! Все уладится, она уверена. До тех пор что-нибудь, – если не само по себе страстное увлечение Клайдом, так какая-нибудь хитрая затея, – поможет Сондре повлиять на мать и заставить ее изменить отношение к Клайду… а если нет, в свое время ей придется принять нужные меры, чтобы перехитрить мать. Какие именно меры, Сондра пока не хотела сказать, хотя в пылком воображении Клайда уже рисовалось бегство с нею и тайный брак, который ее родители потом не смогут расторгнуть, что бы они о нем ни думали. И действительно, мысль об этом, пока еще смутная и несмелая, возникала и в уме Сондры. Дело в том, объяснила она Клайду, что мать явно хочет выдать ее замуж за одного светского молодого человека, который ухаживал за нею и в прошлом году. Но теперь, когда Сондра полюбила Клайда, не так-то легко будет ее уговорить!

– Вся беда в том, что я несовершеннолетняя, – бойко, бесцеремонно объясняла она. – Поэтому я у них в руках. Но в октябре мне исполнится восемнадцать, и тогда – так и знайте! – ничего они со мной не поделают. Надо полагать, я могу выйти замуж за кого пожелаю. А если не могу здесь, в Ликурге, – ну что ж, найдется другой выход, не только свету, что в окошке.

Мысль эта была сладким, разлагающим ядом для Клайда. Она бросала его в жар и сводила с ума. Если бы… если бы только не Роберта! Страшная, почти неразрешимая задача. Если бы не это и не сопротивление родителей Сондры, которое она надеялась преодолеть, – разве не райское блаженство ожидает его? Сондра, Двенадцатое озеро, светское общество, богатство, любовь, красота. У него кружилась голова, когда он об этом думал. Если они с Сондрой поженятся, что останется делать ее родным? Только покориться и принять их в великолепное лоно своего роскошного дома в Ликурге или обеспечить их каким-нибудь другим способом. Он, без сомнения, в конце концов получит какое-нибудь место в «Компании электрических пылесосов» Финчли. И тогда он будет равен самому Гилберту Грифитсу и всем тем, кто вначале пренебрегал им в Ликурге (а то и выше!): вместе со Стюартом он будет наследником всего богатства Финчли! И в центре всего и превыше всего – Сондра, драгоценнейший камень в этом великолепии, внезапном и сказочном, словно из «Тысячи и одной ночи».

И никаких мыслей о том, как поступать пока, до октября. Никаких серьезных планов относительно Роберты, которая вот теперь, сейчас, требует, чтобы он на ней женился. Надо как-нибудь от нее отделаться, думал Клайд. И в то же время он болезненно и тревожно ощущал, что никогда еще за всю свою жизнь не был так близок к страшному несчастью. Быть может, его долг (так считает общество, так сказала бы его мать) по меньшей мере – помочь Роберте выпутаться из беды. Но разве кто-нибудь пришел на помощь Эсте? Ее возлюбленный? Он со спокойной совестью бросил ее, и она от этого не умерла. А Роберте приходится ничуть не хуже, чем пришлось тогда его сестре. Почему же она хочет его погубить? Почему заставляет его отказаться от карьеры и положения в обществе, от стремления к красоте, к любви и страсти? Для него это почти самоубийство! А ведь если бы она сейчас избавила его от всего этого, впоследствии он мог бы сделать для нее гораздо больше… конечно, с помощью денег Сондры. Нет, он не допустит, чтобы она так с ним поступила, не даст загубить ему жизнь!

Глава XL

Два незначительных случая, которые произошли в это время, привели к тому, что намерения Роберты и Клайда стали еще непримиримее.

Как-то вечером Роберта случайно увидела Клайда на Сентрал-авеню: он стоял на краю тротуара перед зданием почты и разговаривал с Арабеллой Старк, которая ожидала своего отца, сидя в большом, внушительном автомобиле. Мисс Старк, одетая по последней моде в соответствии с требованиями сезона, вкусами своего круга и собственным претенциозным вкусом, сидела за рулем в жеманной позе, рассчитанной не только на Клайда, но и вообще на публику. Роберте, которая к этому времени была доведена до отчаяния медлительностью Клайда и не знала, как заставить его помочь ей, эта девушка показалась воплощением беззаботности, роскоши и бездумного отношения к жизни – всего, что так прельщало Клайда и заставляло медлить и относиться с полнейшим равнодушием к ее ужасному положению. И в самом деле, у нее есть права, обусловленные ее теперешним состоянием, но что может она дать Клайду взамен той жизни, от которой он должен будет отказаться, уступив ее требованию? Ничего… Мысль не слишком ободряющая.

И вот в эту минуту, когда она сравнила свой жалкий, презренный удел с уделом хотя бы этой мисс Старк, ею овладели такая горечь и враждебность, каких она никогда еще не испытывала. Это неправильно! Несправедливо! Уже несколько недель прошло с тех пор, как они в последний раз обсуждали свои дела, и за это время Клайд почти не заговаривал с нею на фабрике и тем более избегал приходить к ней домой, опасаясь обычных ее вопросов, на которые ему нечего было отвечать. И она чувствовала – он относится к ней теперь не только невнимательно, но и с настоящим озлоблением.

А все же, когда она шла домой после этой ничтожной, но очень выразительной сценки, ее сердце полно было не столько гневом, сколько печалью и болью, потому что любовь и спокойствие исчезли и, видно, никогда уже не возвратятся… никогда… никогда, никогда… Это ужасно… ужасно!

С другой стороны, Клайду почти в это же время пришлось увидеть нечто такое, что имело прямое отношение к Роберте и словно нарочно было подстроено насмешливой и злобной судьбой. В следующую же субботу маленькая компания молодежи, по предложению Сондры, отправилась на автомобиле к озеру Стрелы (к северу от Ликурга) на дачу Трамбалов, чтобы провести воскресенье на лоне весенней природы. Ехать следовало прямо по направлению к Бильцу, но в одном месте пришлось сделать крюк, и вскоре компания оказалась на пересечении двух дорог, как раз возле фермы Олденов – родного дома Роберты. Трейси Трамбал, который в это время вел машину, предложил, чтобы кто-нибудь отправился на ферму и узнал, какая дорога ведет в Бильц. И Клайд, сидевший с краю, выскочил из машины. Взглянув на почтовый ящик на перекрестке, явно имевший отношение к полуразрушенному ветхому дому, стоявшему тут же на пригорке, Клайд с немалым удивлением прочитал написанное на этом ящике имя отца Роберты: Тайтус Олден. Он вспомнил, как она говорила, что ее родители живут неподалеку от Бильца, – значит, это и есть ее дом. На мгновение он растерялся, не зная, идти ли ему туда: когда-то он подарил Роберте свою маленькую фотографическую карточку, и она могла показать ее здесь. И притом уже одного сознания, что это заброшенное, разоренное жилье имеет прямое отношение к Роберте, а значит, и к нему самому, было достаточно, чтобы Клайду захотелось повернуться и убежать.

Но Сондра, сидевшая в автомобиле рядом с Клайдом, заметила его нерешительность и крикнула:

– В чем дело, Клайд? Испугались собачки? Гав-гав, укусит!

Клайд понял, что, если он сейчас же не двинется дальше, это привлечет общее внимание, и быстро пошел по дорожке к дому. Но едва он взглянул на этот дом повнимательнее, в мозгу его пробудились самые тревожные и мрачные мысли. Ну и дом! До чего он одинок и гол даже в этот светлый весенний день! Ветхая, осевшая крыша. Одна труба развалилась, и у ее основания валяются обломки кирпичей; другая покосилась, чуть не падает, и ее удерживают на месте только подпорки. А заросшая, невычищенная дорожка, по которой медленно поднимается Клайд! На него произвели удручающее впечатление разбитые камни перед входной дверью – остатки развалившегося крыльца. А некрашеные надворные постройки!

Ну и ну! И это дом Роберты. И она еще требует, чтобы он женился на ней, когда такие мечты, такие надежды связаны у него с Сондрой и со всем ее кругом! И Сондра здесь, в автомобиле, и видит все это, хоть ничего и не знает… Какая нищета! Какая беспредельная мрачность во всем! И его жизнь начиналась так же, но как далеко позади осталось все это!

Ощущая слабость и тупую ноющую боль под ложечкой, будто от удара, он подошел к дверям. И тут, словно для того, чтобы еще больше его расстроить – если только это было возможно, – дверь открыл Тайтус Олден в старой, изношенной куртке с продранными локтями, в мешковатых потертых штанах и грубых, нечищеных, непомерно больших батрацких башмаках. Он вопросительно взглянул на Клайда. И Клайд, пораженный одеждой Тайтуса и его сходством с Робертой (особенно похожи были глаза и линии рта), торопливо спросил, идет ли дорога, проходящая мимо, в Бильц и можно ли по ней доехать до северного шоссе. Он предпочел бы услышать краткое «да», повернуться и уйти, но Тайтус спустился с ним во двор и, размахивая руками, подробно объяснил, что, если они хотят выехать на лучшую часть дороги, им надо проехать по прежней еще около двух миль и потом свернуть на запад. Не дослушав, Клайд кратко поблагодарил, повернулся и поспешил прочь.

Безмерно угнетенный, он вспомнил: как раз теперь Роберта думает, будто он готов отказаться от всего, что обещает ему Ликург (от Сондры, от наступающей весны и лета, от любви и поэзии, от веселья, продвижения в обществе, власти… от всего!), уехать с нею и обвенчаться! Забраться в какую-нибудь дыру! Что за ужас! И с ребенком – в его-то годы! Ах, почему он был так глуп и слаб, что связал себя с нею? И все из-за нескольких одиноких вечеров! Почему, почему он не подождал, пока перед ним откроется этот новый мир? Если бы он сумел подождать!

А теперь, бесспорно, – если только ему не удастся быстро и легко освободиться от Роберты, – все это великолепие наверняка будет для него потеряно. И другой мир, тот, из которого он вышел, потянет к нему свои страшные нищие руки и снова завладеет им, – так бедность родителей держала его в тисках с самого начала и едва не задушила. И ему даже смутно подумалось: как странно, что Роберту и его, с их поразительно схожим происхождением, вначале так сильно влекло друг к другу… Почему так случилось? Какая странная штука – жизнь! Но много больше мучила его стоявшая перед ним задача: найти выход. С этой минуты всю дорогу мысль его работала в поисках какого-то решения. Одно слово жалобы со стороны Роберты или ее родителей его дяде или Гилберту – и он погиб!

Мысль об этом так волновала его, что, вернувшись в машину, он сидел совсем молча, хотя перед тем вместе с другими превесело болтал о чем попало. И Сондра, сидевшая рядом с ним и потихоньку поверявшая ему свои планы на лето, теперь, вместо того чтобы продолжать прежний разговор, шепнула:

– Что случилось с маленьким? (Когда Клайд бывал хоть немного грустен, Сондра любила разговаривать с ним, как с младенцем, и ее ребячливый лепет действовал на него как электрический ток: ему было и сладко и мучительно. Он называл ее иногда «моя лепетунья».) Рожица совсем мрачная. А только недавно мы улыбались вовсю. Пусть мой мальчик станет опять веселым. Пусть улыбнется Сондре. Пусть Клайд, как паинька, пожмет руку Сондре!

Она повернулась и заглянула ему в глаза, чтобы посмотреть, как действует на него эта ласковая ребяческая болтовня, – и Клайд, разумеется, постарался принять веселый вид. И, однако, несмотря на всю ее удивительную любовь, перед ним неотступно стоял призрак Роберты и всего, что было в ней теперь воплощено: ее состояние, ее недавнее решение и очевидная невозможность сделать что-либо, кроме одного – уехать вместе с нею…

Да, но… чем так запутываться – и из-за чего!.. – уж не лучше ли (даже если он при этом навсегда потеряет Сондру) сбежать отсюда, как он сбежал из Канзас-Сити, когда убили ту девочку… и чтобы о нем здесь больше не слыхали. Но это значит – потерять Сондру, здешние связи, дядю, все! Все потерять! Что за несчастье снова скитаться в поисках пристанища! Опять придется писать матери о некоторых обстоятельствах, связанных с его бегством, – ведь впоследствии кто-нибудь отсюда может написать ей и дать всему гораздо более убийственное объяснение. А что подумают о нем родные? В последнее время он писал матери, что так преуспевает. Что же у него за судьба, почему его преследуют неудачи? И неужели его жизнь всегда будет такой? Бежать то от одного, то от другого и где-то на новом месте опять начинать все сначала… быть может, только для того, чтобы потом пришлось бежать от чего-то еще худшего. Нет, он не может снова бежать. Он должен взглянуть беде прямо в лицо и найти какой-то выход. Должен!

Боже!

Глава XLI

Настало пятое июня, и Финчли уехали, как и предупреждала Сондра; но перед отъездом она не раз напоминала Клайду, чтобы он приготовился поехать к Крэнстонам на второе или третье воскресенье (потом она сообщит точнее). Отъезд Сондры так подействовал на Клайда, что он без нее просто не знал, куда деваться, как ни угнетали его запутанные отношения с Робертой. И именно в это время страхи Роберты и ее требования стали такими настойчивыми, что невозможно было дольше успокаивать ее уверениями, будто нужно только еще немножко подождать, а он скоро подготовит все, чтобы ей помочь. Что бы он ни говорил, Роберта понимала: того и гляди, все откроется и шутить с этим больше нельзя. Она утверждала (хотя это было в значительной мере подсказано страхом), будто ее фигура настолько уже изменилась, что ей невозможно больше скрывать свое положение, и девушки, которые работают вместе с нею на фабрике, очень скоро все узнают. Она уже не может ни работать, ни спать спокойно, ей больше нельзя здесь оставаться. Она уже чувствует боли (чистейшая фантазия, плод перепуганного воображения). Клайд должен, как было условлено, жениться на ней и немедленно уехать с нею куда-нибудь – близко, далеко, куда угодно, – на то время, пока не минует эта ужасная опасность. И она согласна, это святая правда (Роберта теперь почти умоляла), чтоб он оставил ее тотчас после рождения ребенка, и больше она ни о чем его никогда не попросит… никогда! Но теперь, на этой же неделе, никак не позже пятнадцатого, он должен сделать, как обещал, – позаботиться о ней, пока все не будет кончено.

Это значило, что Клайду придется уехать с Робертой даже раньше, чем можно будет навестить Сондру на Двенадцатом озере, уехать, ни разу больше с нею не повидавшись. А кроме того, он прекрасно знал, что далеко еще не скопил суммы, необходимой для того, чтобы отважиться на рискованное предприятие, на котором настаивала Роберта. Напрасно Роберта сообщила ему, что у нее отложено больше сотни долларов и можно воспользоваться этими деньгами после свадьбы или же пустить их на необходимые расходы при переезде из Ликурга. Клайд понимал и чувствовал только одно: это значит, что он теряет все. Он должен уехать с нею куда-нибудь, не очень далеко, и взяться за любую работу, чтобы добывать ей и себе средства к существованию. Какая ужасная перемена! Крушение всех его великолепных грез! И, однако, напрягая мозг, он не мог придумать ничего лучшего, как убедить Роберту бросить работу и поехать на некоторое время домой к родителям; он доказывал – и очень хитро, как думал сам, – что ему нужно еще несколько недель, чтобы подготовиться к перемене в их жизни. Дело в том, лживо уверял он, что, несмотря на все усилия, ему еще не удалось накопить столько денег, сколько он надеялся. Ему нужно, по крайней мере, еще три или четыре недели, чтобы собрать ту сумму, которую он считает необходимой для задуманного ими отъезда. Ведь она сама говорила, что им понадобится полтораста или двести долларов, не меньше, – изрядная сумма в ее глазах. А у Клайда сверх его еженедельного заработка было отложено только сорок долларов, – и он мечтал употребить их и все, что ему еще удастся сберечь, на кое-какие расходы, необходимые для предполагаемой поездки на Двенадцатое озеро.

И чтобы это туманное предложение о кратковременной поездке Роберты домой прозвучало убедительнее, Клайд прибавил, что она ведь, наверно, и сама хочет немного привести себя в порядок. Не может же она пуститься в такое путешествие, включающее и свадьбу, и перемену всех знакомств и связей, не позаботившись как-то о своем гардеробе. Пусть она употребит на это свои сбережения или хотя бы часть их… Положение Клайда было отчаянное, и он не останавливался даже перед такими советами. Роберта до сих пор была слишком не уверена в завтрашнем дне и не решалась шить или покупать что-либо для себя и для будущего ребенка; но теперь она подумала, что, какова бы ни была истинная цель его совета, связанного, как и все советы Клайда, с новой проволочкой, ей и вправду следовало бы потратить две-три недели и с

помощью недорогой, но приличной портнихи, которая иногда помогала ее сестре, сшить себе одно или два подходящих платья. Можно сшить платье из набивной серой тафты – она видела такое в кино. В нем она может венчаться, если Клайд сдержит свое слово. Это будет очень милый наряд; она прибавит к нему модную серую шелковую шляпку с маленькими полями (и на полях в одном месте – розовые или ярко-красные вишни) и скромный дорожный костюм из синей саржи; все это, вместе с коричневыми туфлями и коричневой шляпкой, сделает ее нарядной, не хуже всякой другой невесты.

Эти приготовления означали новую отсрочку и лишние расходы. Клайд мог еще и раздумать, не жениться на ней, к тому же для них обоих предполагаемый брак был чем-то довольно непривлекательным и мрачным; и, однако, все это не могло изменить представления Роберты о браке как о большом событии, о таинстве, которому присущи особая красота и поэтичность, неотделимые от него даже при таком вот несчастливом стечении обстоятельств. И – странное дело, – несмотря на тяжелые, натянутые отношения с Клайдом, она все еще видела его в том же свете, что и вначале. Он прежде всего Грифитс, молодой человек из светского общества, хотя и небогатый, – все девушки ее круга и даже многие, стоящие гораздо выше, были бы счастливы выйти за него замуж. Пусть ему не хочется на ней жениться, но все равно он человек значительный. И он единственный, с кем она была бы совершенно счастлива, если бы он хоть немного любил ее. И, во всяком случае, когда-то он ее любил. А говорят (она слышала это и от своей матери, и от знакомых), что мужчины, по крайней мере некоторые, нередко совсем по-другому, с новой нежностью начинают относиться к матери своего ребенка. Как бы там ни было, а если все, о чем они уговорились, будет в точности выполнено, то хоть недолго – очень недолго, – но они все же будут вместе, он поможет ей пережить этот тяжелый кризис, даст свое имя ребенку и поддержит ее, пока она не сможет снова так или иначе устроиться самостоятельно.

Итак, на том она пока и порешила, хотя ее и мучили тревожные предчувствия и сомнения, потому что она видела, как равнодушен к ней Клайд.

В таком настроении Роберта через пять дней уехала домой, заранее написав родителям, что приедет не меньше чем на две недели, чтобы сшить одно или два платья и отдохнуть немного, так как чувствует себя не совсем хорошо; Клайд проводил ее до Фонды. У него, в сущности, не было никакой определенной и приемлемой идеи, и ему казалось, что только молчание, одно молчание для него теперь единственно важно и существенно. Под грозящим ножом катастрофы ему необходима возможность думать еще, и еще, и еще, чтобы никто не принуждал его ни к каким действиям, чтобы не мучила ежеминутно мысль о Роберте: ведь когда-нибудь в нервном, неистовом состоянии она может сказать или сделать что-нибудь такое, что помешает ему (если он нападет на какую-нибудь спасительную идею) осуществить планы, связанные с Сондрой.

А в это время Сондра с дачи на Двенадцатом озере писала ему веселые записки о том, что ждет его в близком будущем, когда он приедет. Голубая вода… белые паруса… теннис… гольф… верховая езда… катанье на автомобиле… Она обо всем уже сговорилась с Бертиной. И поцелуи, поцелуи, поцелуи…

Глава XLII

Два письма, которые Клайд получил одновременно, еще больше осложнили положение.

«Сосновый мыс, 10 июня.

Клайди, маленький!

Как поживает мой крошка? Все хорошо? Здесь просто великолепно. Приехало много народу, и с каждым днем становится все оживленнее. Ресторан «Казино» и площадка для гольфа уже открыты, и там тоже масса народу. Сейчас Стюарт и Грэнт на своих лодках отправляются по озеру, – мне слышно, как стучат моторы. Не задерживайтесь, милый, и приезжайте поскорее. Тут так хорошо, что и описать нельзя. Ездим верхом по зеленым лесным дорогам, купаемся, каждый день с четырех часов танцуем в «Казино». Только что замечательно прокатилась на своем Дикки и после завтрака опять поскачу – отвезу письма на почту. Бертина сказала, что напишет вам сегодня или завтра и пригласит на любое воскресенье или на любой другой день, так что, когда Сонда напишет «приезжайте», вы сейчас же приедете, слышите? А то Сонда вас накажет, гадкий, милый мальчик!

Наверно, мальчик много работает на гадкой фабрике? А Сонда хочет, чтобы он был здесь… Мы бы ездили и верхом, и на автомобиле, и плавали бы, и танцевали… Не забудьте захватить теннисную ракетку и клюшки для гольфа. При «Казино» шикарные площадки.

Сегодня утром, когда я каталась на Дикки, какая-то птичка вылетела у него из-под копыт. Он испугался и понес, и Сонду всю исхлестало ветками. Клайду жалко свою бедную Сонду?

Сонда пишет сегодня массу всяких писулек. После завтрака она поедет и отправит их, а потом пойдет в «Казино» с Бертиной и с Ниной. А Клайд не хотел бы пойти с нами? Мы бы потанцевали «Тодди». Сонда очень любит эту песенку. А теперь ей надо одеваться. Завтра напишу еще, гадкий мальчик! А когда вам напишет Бертина, отвечайте сейчас же. Видите, сколько я тут наставила точек? Это поцелуи. Большие и маленькие. Все для гадкого мальчика. Пишите Сонде каждый день, и она тоже будет писать.

Целую много раз».

На это письмо Клайд ответил пылко, в таком же духе и в тот же час, как получил его. Но чуть ли не с той же почтой, по крайней мере в тот же день, пришло письмо от Роберты:

«Бильц, 10 июня.

Дорогой Клайд!

Я уже приготовилась лечь спать, но сперва хочу написать тебе несколько строк. Поездка была такая утомительная, что я теперь почти больна. Прежде всего, как ты знаешь, мне не очень хотелось ехать одной. Я страшно расстроена и очень тревожусь, хотя и говорю себе, что теперь у нас все решено и ты приедешь за мной, как обещал».

(Дочитав до этого места, Клайд с отвращением вспомнил жалкую захолустную глушь под Бильцем; к несчастью, именно в этом мире живет Роберта, и потому он вдруг, как бывало, ощутил жалость и угрызения совести. В конце концов, это не ее вина. Что могло ее ждать в жизни? Только работа или самое прозаическое замужество. Впервые за много дней, вдали от обеих девушек, он был способен по-настоящему ясно думать – и глубоко, хоть и угрюмо, сочувствовал Роберте. Потом стал читать дальше.)

«Но здесь сейчас очень хорошо. Деревья такие зеленые, и кругом все цветет. Когда подходишь к окнам, слышно, как в саду жужжат пчелы. По пути сюда, вместо того чтобы поехать прямо домой, я решила остановиться в Гомере и повидаться с сестрой и зятем. Ведь неизвестно, когда мы увидимся опять и увидимся ли вообще, потому что я хочу встретиться с ними только как порядочная женщина – или пускай они больше никогда меня не увидят. Не думай, что я хочу этим сказать что-нибудь плохое или неприятное. Просто мне грустно. У них такой уютный домик, красивая мебель, и граммофон, и все, и Агнесса так счастлива с Фредом! Надеюсь, что она всегда будет счастлива. Я невольно подумала, как бы мы могли славно устроиться, если бы мои мечты сбылись. И почти все время, пока я была у них, Фред дразнил меня, спрашивал, почему я не выхожу замуж. В конце концов я сказала:

– Откуда ты знаешь, может быть, я на днях выйду замуж. Счастье приходит к тому, кто умеет ждать.

– Да, конечно, только смотри, не просиди всю жизнь в зале ожидания, – ответил он.

Я очень рада снова видеть маму, Клайд. Она такая любящая, терпеливая, готова всем помочь. Самая милая, самая чудная мама на свете. Я ни за что и ничем не хотела бы ее огорчать. И Том и Эмилия тоже милые. Каждый вечер, с тех пор как я здесь, к ним приходят друзья, они зовут и меня в компанию, но я слишком плохо себя чувствую, чтобы развлекаться вместе с ними, играть в карты и танцевать».

(Читая эти строки, Клайд невольно с преувеличенной яркостью представил себе жалкую жизнь этой семьи – ее семьи, и все, что он недавно видел: полуразвалившийся дом! Покосившиеся трубы! А ее нескладный отец… И как не похоже ее письмо на письмо Сондры!)

«Отец, мать, Том и Эмилия не отходят от меня и на все лады за мной ухаживают. И меня мучает совесть, когда я думаю, как бы они горевали, если б узнали о моей беде. Конечно, мне приходится делать вид, будто я такая усталая и скучная оттого, что переутомилась на фабрике. Мама все время говорит, что я должна пожить у них подольше или совсем бросить работу, чтобы отдохнуть и поправиться, но она ничего не подозревает, бедная. Если б она знала! Не могу передать тебе, Клайд, как это меня иногда мучает. Господи!

Но я не должна портить тебе настроение. Я и не хочу этого, я ведь говорила тебе. Только ты приезжай и увези меня, как мы уговорились. Я не буду такая, как сейчас, Клайд. Я ведь не всегда такая. Я уже начала готовиться к отъезду и занялась шитьем. Дела хватит на три недели, и за это время я ни о чем другом не стану думать. Но ты приедешь за мной, правда, милый? Ты больше не обманешь меня и не заставишь так мучиться, как до сих пор? Боже, как давно я терзаюсь, – с тех самых пор, как ездила домой на Рождество! А ведь ты и вправду хорошо ко мне относился. Я обещаю не быть тебе в тягость: я знаю, ты меня больше не любишь, и мне все равно, что будет дальше, только бы сейчас выпутаться из беды… Но я честно обещаю, что не буду тебе в тягость.

Милый, не сердись за это пятно. Видно, я сейчас просто не в силах владеть собой так, как раньше.

Ну а теперь о моих здешних делах. Родные думают, что платья мне нужны для вечеринки в Ликурге и что я, должно быть, там очень веселюсь. Что ж, пускай лучше думают так, чем по-другому. Мне, наверно, придется

съездить за некоторыми покупками в Фонду, если я не смогу послать миссис Энс, портниху. Если я поеду и ты захочешь со мной увидеться до того, как приедешь сюда (хотя я в этом сомневаюсь), мы могли бы там встретиться. Если бы ты захотел, я была бы рада повидать тебя, поговорить с тобой, прежде чем мы уедем. Все кажется мне таким странным: я шью разные вещи и так хочу тебя видеть, а тебе этого вовсе не хочется, – я ведь знаю. Надеюсь, ты доволен, что уговорил меня поехать домой и теперь можешь в Ликурге приятно проводить время, – ты ведь так это называешь? Неужели ты и правда проводишь время намного приятнее, чем прошлым летом, когда мы ездили с тобой на озера и повсюду? Но, во всяком случае, Клайд, ты, конечно, можешь сделать, что обещал. И не очень сердись на меня. Я знаю, по-твоему, это очень тяжело, но не забывай, что, если б я была похожа на других, я могла бы требовать большего. Но я уже говорила тебе, я не такая, как другие, и никогда не могла бы стать такой. Если ты сам не захочешь остаться со мной, после того как меня выручишь, – можешь уйти.

Пожалуйста, Клайд, напиши мне длинное, веселое письмо, даже если тебе и не хочется, и расскажи мне, как ты ни разу не вспомнил меня и ни капельки обо мне не скучал, с тех пор как я уехала (а ведь, бывало, тебе недоставало меня), и как не хочешь, чтобы я возвращалась, и как не можешь приехать раньше, чем через две недели, считая с этой субботы, если вообще приедешь.

Милый, я вовсе не думаю всех гадостей, которые пишу. Но я так устала, мне так тоскливо и одиноко, что я иногда не могу сдержаться. Мне нужно поговорить с кем-нибудь, а здесь не с кем. Они не понимают, в чем дело, и я никому ничего не могу рассказать.

Вот видишь, я говорила, что не буду тосковать, унывать и злиться, и все-таки сейчас у меня это не совсем получается, правда? Но я обещаю вести себя лучше в следующий раз – завтра или послезавтра, потому что мне становится легче, когда я пишу тебе, Клайд. Пожалуйста, не сердись и напиши хоть несколько слов, чтобы меня подбодрить. Я буду ждать, мне это так нужно. И ты, конечно, приедешь. Я буду так счастлива и благодарна и постараюсь не слишком надоедать тебе.

Твоя одинокая Берта».

Контраст между двумя этими письмами привел Клайда к окончательному решению: он никогда не женится на Роберте. Никогда! И не поедет к ней в Бильц, и, если только сумеет, не допустит, чтобы она вернулась в Ликург. Разве его поездка к ней или ее возвращение сюда не положат конец всем радостям, которые лишь так недавно пришли к нему вместе с Сондрой? Он не сможет быть с Сондрой на Двенадцатом озере этим летом, не сможет бежать с нею и жениться на ней. Господи, неужели же нет выхода? Неужели никак не избавиться от ужасного препятствия, на которое он натолкнулся?

И, прочитав оба письма (это было в жаркий июньский вечер, когда он только что вернулся с работы), Клайд в припадке отчаяния бросился на постель и застонал. Какое несчастье! Ужасная, почти неразрешимая задача! Неужели никак нельзя убедить ее уехать куда-нибудь… надолго… или пусть она подольше останется дома, а он будет посылать ей десять долларов в неделю, даже двенадцать – добрую половину всего своего заработка. Или пускай она поселится в каком-нибудь соседнем городке: в Фонде, Гловерсвиле, Скенэктеди, пока она еще может сама заботиться о себе, может снять комнату и спокойно ожидать рокового срока, когда понадобится доктор или сиделка. Он помог бы ей найти кого-нибудь, когда придет время, если только она согласится не упоминать его имени.

А она требует, чтобы он приехал в Бильц или встретился с нею еще где-нибудь, и все в эти две недели, не позже. Нет, он не хочет, он не поедет! Если она попробует его заставить, он решится на какой-нибудь отчаянный поступок… сбежит отсюда… или, может быть, отправится на Двенадцатое озеро, пока она будет ждать его в Бильце, и постарается уговорить Сондру (но какой страшный, безумный риск!) бежать с ним и обвенчаться, хоть ей еще и не исполнилось восемнадцати. И тогда… тогда… они будут женаты, и ее семья не сможет развести их, и Роберта не сможет его найти, а только, может быть, подаст на него жалобу… Ну что ж, разве нельзя от всего отпереться? Он скажет, что это ложь, что у него не было с ней ничего общего, кроме чисто деловых отношений, как у заведующего с работницей. Ведь его никогда не видели Гилпины, и он не был с Робертой у доктора Глена под Гловерсвилом, и она сказала ему тогда, что не называла его имени.

Но какая выдержка нужна, чтобы все отрицать!

Сколько нужно мужества!

Сколько мужества нужно, чтобы смотреть Роберте в глаза, – ведь труднее всего на свете будет встретить прямой, полный ужаса взгляд ее обвиняющих, невинных голубых глаз! Сможет ли он выдержать? Хватит ли его на это? И если даже хватит – сбудутся ли его надежды? Поверит ли ему Сондра, когда услышит?..

И, однако, следуя своему замыслу, – все равно, осуществит ли он его в конце концов или нет, даже если и приедет на Двенадцатое озеро, – он должен написать Сондре, что собирается ехать. И Клайд немедленно написал ей горячее и страстное письмо. В то же время он решил совсем не писать Роберте. Может быть, он позвонит ей: она говорила, что у соседа есть телефон и, если Клайду что-нибудь понадобится, он может ее вызвать. А писать об их делах, хотя бы и очень осторожно, значит дать ей в руки (да еще теперь, когда он твердо решил не жениться на ней) доказательство их близости, – как раз то, в чем она будет очень и очень нуждаться. Все это надувательство! Это низко и подло, да, конечно. Но ведь если бы Роберта согласилась вести себя немного разумнее по отношению к нему, никогда бы он и не подумал унизиться до такого подлого и хитрого плана. Но Сондра! Сондра! И огромные владения Финчли, раскинувшиеся на западном берегу Двенадцатого озера… она столько о них пишет… как там, должно быть, красиво! Нет, он не может иначе! Он должен рассуждать и действовать именно так. Должен!

Клайд встал и пошел отправить письмо Сондре. По пути он купил вечернюю газету, издававшуюся в Олбани (ему хотелось на время отвлечься, читая о людях, которых он знал), и тут он увидал на первой странице следующее сообщение:

Двойная трагедия на озере Пасс

Вблизи Питсфилда на воде обнаружены опрокинутая лодка и две шляпы.

Двое катающихся, по всей вероятности, стали жертвой несчастного случая.

Тело девушки найдено, но еще не опознано.

Тело ее спутника не удалось найти.

Так как Клайд интересовался всяким водным спортом и сам хорошо управлял байдаркой, плавал и нырял, он с любопытством прочитал заметку:

«Пэнкост, Массачусетс, 7 июня. Третьего дня на озере Пасс, в четырнадцати милях к северу от нашего города, перевернулась лодка, в которой катались неизвестные мужчина и женщина, приехавшие, видимо, из Питсфилда.

Во вторник около десяти часов утра мужчина и девушка, сказавшие Тому Лукасу, владельцу здешнего небольшого ресторана и лодочной пристани, что они приехали из Питсфилда, взяли напрокат маленькую лодку и, захватив

с собой корзиночку, очевидно с завтраком, отправились в северный конец озера. В семь часов вечера, так как они не вернулись, мистер Лукас со своим сыном Джефри объехал озеро на моторной лодке и нашел перевернутую лодку на отмели вблизи северного берега, но никаких следов катавшейся пары не обнаружил. Решив в тот момент, что они просто удрали, чтобы не платить за прокат лодки, Лукас отвел ее к своей пристани.

Однако на другое утро, подумав, что тут мог иметь место несчастный случай, мистер Лукас с сыном Джефри и помощником Фредом Уолшем сделал второй круг по северной части озера и в конце концов обнаружил в прибрежных камышах две шляпы – мужскую и женскую. Немедленно начались поиски при помощи багров, и к трем часам дня было найдено тело девушки, о которой ничего не известно, кроме того, что она и ее спутник брали лодку. Тело передано властям. Тело мужчины до сих пор не найдено. Поскольку в том месте, где, видимо, произошла катастрофа, глубина кое-где превышает тридцать футов, нет уверенности, что второй труп удастся разыскать. Лет пятнадцать назад, когда в этих местах произошло подобное несчастье, тела так и не были найдены.

На подкладке жакета, который был на девушке, обнаружена марка питсфилдского торговца. Туфли ее, судя по штемпелю внутри, куплены в том же городе. Нет никаких других указаний, которые позволили бы опознать погибшую. Предполагают, что сумочка, если она и была, осталась на дне озера.

Спутник девушки, по рассказам видевших его, – высокий брюнет лет тридцати пяти; на нем был светло-зеленый костюм и соломенная шляпа с белой и синей лентами. Девушке на вид не больше двадцати пяти лет; рост – пять футов пять дюймов, вес – сто тридцать фунтов. Волосы длинные, темно-каштановые, заплетены в косы и уложены вокруг головы. На среднем пальце левой руки тонкое золотое кольцо с аметистом.

Полиция Питсфилда и других ближайших городов извещена о происшествии, но личность девушки до сих пор установить не удалось».

Это довольно обычное сообщение – летом всегда масса таких несчастных случаев – не особенно заинтересовало Клайда. Конечно, казалось странным, как это девушка и ее спутник могли погибнуть на таком небольшом озере среди бела дня. Странно также, что никто не мог опознать ни ее, ни его. Однако так уж оно вышло. Мужчина исчез бесследно. Клайд отбросил газету, мало этим озабоченный, и мысли его обратились к другим темам… Перед ним стояла серьезная задача: как быть дальше? Но потом, когда он потушил лампу и уже собирался лечь в постель, все еще обдумывая сложную путаницу своей жизни, в его мозгу внезапно возникла мысль (что это – дьявольский шепот? Коварное внушение злого духа?): предположим, он и Роберта, – нет, скажем, он и Сондра (нет, Сондра прекрасно плавает, и он тоже), – итак, он и Роберта плывут в лодке, и лодка опрокидывается… и как раз теперь, когда его так терзают эти ужасные осложнения. Вот и выход! Как просто разрешилась бы головоломная, мучительная задача!

Однако… стоп! не спешить. Может ли человек, хотя бы в мыслях, допустить для себя такой выход из тупика, не совершая преступления в своем сердце – поистине ужасного, чудовищного преступления? Нет, нельзя даже и думать об этом. Это скверно… очень скверно, ужасно! И, однако, если бы – разумеется, нечаянно – несчастье все же случилось? Ведь это был бы конец всем его тревогам из-за Роберты… И потом – не бояться ее, не переживать никаких страхов и сердечных мук из-за Сондры. Тихое, спокойное, без криков и ссор разрешение всех его теперешних затруднений, и впереди одна только радость, навсегда! Просто случайная, непредвиденная катастрофа – и потом блестящее будущее!

Но уже сама мысль об этом и о Роберте (почему его мозг упорно связывает это с Робертой?), сама эта мысль ужасна, и он не должен, не должен пускать ее в свое сердце. Никогда, никогда, никогда! Не должен! Это отвратительно! Ужасно! Ведь это мысль об убийстве! Убийстве?! Но он был до того взвинчен письмом Роберты и полной его противоположностью – письмом Сондры… в таких очаровательных и соблазнительных красках рисовала Сондра свою – и его – жизнь, что он и под страхом смерти не мог отделаться от мысли о таком как будто легком и естественном разрешении всех своих затруднений… если бы только такой случай произошел с ним и с Робертой. В конце концов, разве он замышляет преступление? Нет, он просто думает, что если бы случилось такое несчастье, если бы только оно могло случиться… Да, но *если бы только оно могло случиться…* Темная и злая мысль, которую он не должен, *не должен допускать.* НЕ ДОЛЖЕН. И все же… все же… Он превосходный пловец, он, без сомнения, доплыл бы до берега, каково бы ни было расстояние. А Роберта – он это знает (ведь прошлым летом они ездили на озера и купались) – не умеет плавать. И тогда… тогда… Ну, тогда, если только он ей не поможет, то, конечно…

Он сидел в своей комнате, в темноте, между половиной десятого и десятью вечера и думал об этом, – и у него было странное, беспокойное ощущение, словно мурашки бегали по всему телу, от корней волос и до кончиков пальцев. Удивительная и страшная мысль! И ее невзначай подсказала ему газета. Разве не странно? И вдобавок в той местности, куда он теперь поедет к Сондре, повсюду много, очень много озер, десятки, как она говорила… А Роберта любит дальние прогулки и любит кататься на лодке, хотя она и не умеет плавать, не умеет плавать… не умеет плавать. И вот они или, по крайней мере, он едет туда, где множество озер… Они могут поехать вдвоем – он и Роберта, – почему бы и нет? Почему? Ведь они уже говорили о том, чтобы съездить куда-нибудь за город четвертого июля[1], когда обдумывали свой окончательный отъезд.

Но нет, нет! Как бы он ни хотел отделаться от Роберты, самая мысль о несчастье с нею слишком гнусна, преступна, ужасна! Нет, он ни на одно мгновение не должен пускать в свое сердце такие мысли. Это слишком мерзко, слишком низко, слишком страшно. Ужасная мысль! Подумать только, что она пришла ему в голову! И как раз теперь, теперь, когда Роберта требует, чтобы он уехал вместе с нею.

Смерть!

Убийство!

Убийство Роберты!

Но надо же спастись от нее, от этого бессмысленного, настойчивого, непреклонного требования. Уже при одной мысли о нем Клайд весь похолодел и покрылся потом. И теперь, когда… когда… Но об этом нельзя думать, нельзя! И вдобавок – смерть еще не родившегося ребенка!

Но как же можно думать о таких вещах с расчетом, преднамеренно? И все же… сколько людей тонет вот так в летнее время… юноши и девушки… мужчины и женщины… здесь и там… повсюду. Разумеется, он не желает, чтобы что-либо подобное случилось с Робертой. И особенно теперь. Он не такой, как бы ни был плох. Нет. Нет. Он не такой. От одной мысли об этом холодный пот выступил на его лице и руках. Он не такой. Порядочные, здравомыслящие люди не думают о таких вещах. И он тоже не будет… с этой минуты.

Крайне недовольный собою – тем, что такая страшная мысль могла им завладеть, – Клайд встал, зажег лампу и перечитал заметку в газете со всем спокойствием, на какое был способен, словно этим осуждал и отвергал раз навсегда все, что она ему внушила. Потом оделся и вышел из дому: он прошелся по Уикиги-авеню и по Сентрал-авеню, затем по Дубовой и кружным путем снова вышел на Сентрал-авеню, чувствуя, что он как бы уходит от соблазна, от нава-

[1] Четвертое июля – праздник в честь объявления независимости Соединенных Штатов (1776).

ждения, которое так тревожило его до сих пор. И через некоторое время, почувствовав себя лучше, спокойнее, нормальнее, человечнее, – ему так этого хотелось! – он вернулся домой и лег спать с ощущением, что ему и вправду удалось освободиться от коварного и страшного соблазна. Никогда больше он не должен думать об этом! Он не должен больше думать об этом. Никогда, никогда, никогда он не должен думать об этом… никогда.

Вскоре он заснул неспокойным, тревожным сном, и ему приснилась свирепая черная собака, которая пыталась его укусить. Спасаясь от клыков этого чудовища, он проснулся в ужасе, потом снова заснул. На этот раз он увидел себя в каком-то странном мрачном месте, не то в густом лесу, не то в пещере, не то на дне глубокого и узкого ущелья между высокими горами; отсюда шла вверх тропинка, вначале хорошо заметная. Но чем дальше он шел, тем тропинка становилась *уже*, неразличимее и наконец исчезла совсем. И тогда, обернувшись, чтобы попытаться пройти обратно той же дорогой, Клайд увидел позади себя громадный клубок змей; на первый взгляд он больше походил на кучу хвороста, но над ним угрожающе раскачивались десятка два змеиных голов с раздвоенными жалами и агатовыми глазами. А когда он снова поспешно повернул обратно, дорогу ему преградило огромное рогатое чудовище, – под его тяжкой поступью трещали кусты; и с криком беспредельного отчаяния Клайд в ужасе проснулся и уже не заснул до утра.

Глава XLIII

Однако мысль о происшествии на озере, так упорно возникавшую среди мыслей о его собственном запутанном положении, Клайд не в силах был отогнать, как ни старался. Она родилась из случайного сопоставления его личных тревог, которые потрясли и едва не расстроили его не слишком устойчивый рассудок, и этого, быть может, ужасного, но какого-то тихого и как бы невинного исчезновения двух людей на озере Пасс. Тело девушки – какая-то странная сила заставляла его все время думать об этом – было найдено, а тело мужчины нет. В этой своеобразной подробности словно таился навязчивый намек: Клайд невольно думал, что мужчина, быть может, вовсе и не утонул. Ведь есть же злодеи, жаждущие отделаться от неугодных им людей, – так, может быть, и этот мужчина отправился с девушкой на озеро, желая от нее отделаться? Разумеется, дьявольская выдумка, – однако в данном случае она, по-видимому, превосходно удалась.

Но чтобы он сам поддался чудовищному внушению и поступил так же… никогда! Однако его положение с каждым часом становилось безвыходнее: чуть ли не ежедневно приходили письма от Роберты или записочки от Сондры, и снова его поражал контраст между ними – между богатством и бедностью, между весельем и мрачным отчаянием и неуверенностью.

Роберте он решил не писать, но иногда разговаривал с нею по телефону, стараясь отделываться ничего не значащими фразами. Как она поживает? Он очень рад, что она у своих, за городом, – в такую погоду там, должно быть, гораздо лучше, чем на фабрике. Тут, конечно, все идет гладко, все по-старому, только вдруг посыпались заказы, и в последние два дня пришлось очень много работать. Он всеми силами старается скопить денег для известной ей, Роберте, цели, а больше его ничто не тревожит, и она тоже не должна тревожиться. Он не писал ей, потому что много работы, и вряд ли сумеет писать, – так много всяких дел. Но он скучает, не видя ее на обычном месте, и надеется, что скоро они опять встретятся. Если она собирается приехать в Ликург, как говорит, и считает, что ей нужно повидаться с ним, то это, пожалуй, можно устроить. Но вправду ли увидеться необходимо именно сейчас? Он так занят, он рассчитывает встретиться с нею несколько позже.

И в то же время он писал Сондре, что, возможно, в следующую субботу, а уж восемнадцатого – наверняка, приедет и увидится с нею.

Так он хитрил сам с собой и изворачивался, подстрекаемый страстью к Сондре и совершенно неспособный смотреть в лицо действительности, когда дело касалось Роберты; благодаря этому он дождался наконец желанной возможности вновь встретиться с Сондрой, и притом в такой обстановке, какой ему еще никогда в жизни не приходилось видеть.

Когда он добрался до шейронской пристани, примыкающей к веранде гостиницы на Двенадцатом озере, его встретили Бертина с братом и Сондра: приехали за ним на моторной лодке Грэнта.

И вот прозрачные синие воды реки Чейн. Высокие темные островерхие ели выстроились по берегам, как часовые. Вдоль западного берега легла на воду полоса черной тени; отражения деревьев отчетливы, как в зеркале. Повсюду большие и маленькие, белые, розовые, зеленые и коричневые дачи, навесы для лодок, купальни у самой воды. Кое-где, перед какой-нибудь роскошной дачей вроде тех, что принадлежат Крэнстонам или Финчли, изящная пристань. Зеленые и синие байдарки и моторные лодки. Веселый яркий отель и купальни на Сосновом мысе, где уже собралось много нарядной, рано выехавшей за город публики. А затем лодочный сарай и пристань у дачи Крэнстонов. Две овчарки – новая покупка Бертины – лежат на берегу в траве, очевидно, поджидая возвращения хозяйки. Слуга Джон, один из шести слуг, взятых Крэнстонами на дачу, стоит на пристани, готовый принять у Клайда его единственный чемодан, теннисную ракетку и клюшки для гольфа. Однако самое сильное впечатление производит

на Клайда большой дом, построенный не по строгим канонам, но со вкусом, – к нему ведут дорожки, обсаженные яркой геранью; с огромной веранды, уставленной плетеными креслами, открывается прекрасный вид на озеро, там и сям ждут дорогие автомобили; беспечные гости в спортивных костюмах отдыхают на веранде или прогуливаются в саду.

По распоряжению Бертины Джон провел Клайда в просторную комнату с окнами на озеро, чтобы он мог принять ванну и переодеться для игры в теннис с Сондрой, Бертиной и Грэнтом. После обеда, как объяснила Сондра, заехавшая ради него к Крэнстонам, он отправится с Бертиной и Грэнтом в «Казино», где его познакомят со всей местной публикой. Там будут танцы. Завтра рано утром, до первого завтрака, он может, если угодно, поехать с нею, Бертиной и Стюартом верхом по чудесной лесной тропинке к мысу Вдохновения, откуда открывается самый лучший вид на озеро. И Клайд узнал, что, за исключением нескольких тропинок вроде этой, в лесу на сорок миль кругом нет никаких дорог. Без компаса или проводника там можно заблудиться и даже погибнуть, – так трудно определить направление тому, кто не знает этого леса. А после завтрака и купания она, Бертина и Нина Темпл покажут ему свое новое искусство – катание на акваплане Сондры. Потом второй завтрак, теннис или гольф и поездка в «Казино», там будет чай. После обеда на даче у Брукшоу из Утики – танцы.

Через час после приезда Клайд увидел, что все время его пребывания здесь – суббота и воскресенье – будет занято до отказа. Но он понял также, что они с Сондрой сумеют проводить вместе не только минуты, а пожалуй, и целые часы, и благодаря этой чудесной возможности он увидит новые стороны ее многогранной натуры! Наперекор гнетущим мыслям о Роберте, – может же он отогнать их хотя бы на эти дни! – он чувствовал, что попал в рай.

И право, никогда прежде Сондра не казалась ему такой веселой, грациозной и счастливой, как здесь, на теннисном корте Крэнстонов, в белоснежном теннисном костюме – блузке и короткой юбке, с волосами, повязанными пестрым, в желтый и зеленый горошек, шелковым платком. А ее улыбка! А сколько сулил веселый блеск ее смеющихся глаз, когда она бросила на него быстрый взгляд! Точно птица, носилась она, высоко подняв руку с ракеткой, едва касаясь ногами земли, запрокинув голову и не переставая улыбаться. Клайд трепетал от счастья и печали: ведь Сондра могла бы принадлежать ему, будь он сейчас свободен. Но между ними неодолимая преграда, возведенная им самим!

А яркое солнце заливает кристальным светом зеленую лужайку, протянувшуюся от высоких елей к серебряным водам озера. По озеру скользят во всех направлениях маленькие лодки с ослепительно-белыми парусами и вспыхивают в лучах солнца белые, зеленые, желтые яркие пятна – байдарки, на которых катаются влюбленные пары. Лето, праздность, тепло, яркие краски, безмятежность, красота, любовь – все, о чем он мечтал прошлым летом, когда был страшно одинок.

Минутами Клайду казалось, что у него просто кружится голова от радости: близкое и верное исполнение всех желаний чуть ли не у него в руках… А в другие минуты (мысль о Роберте вдруг пронизывала его, как порыв ледяного ветра) он чувствовал: не может быть ничего печальнее, страшнее, губительнее для грез о красоте, любви и счастье, чем то, что угрожает ему теперь. Это страшное газетное сообщение об озере и о двоих утонувших… И вероятность, что, несмотря на свой безумный замысел, через какую-нибудь неделю-две, самое большее через три, он должен будет навсегда отказаться от всего… А потом он вдруг приходил в себя и понимал, что прозевал мяч, что играет очень плохо, и Бертина, Сондра или Грэнт кричат ему: «Клайд, о чем вы думаете?» И из самых темных глубин своего сердца он мог бы ответить: «О Роберте».

Потом вечером, у Брукшоу, нарядная компания – друзья Сондры, Бертины и остальных. На площадке для танцев новая встреча с Сондрой; она вся – улыбка: для всех собравшихся, а главным образом для своих родителей, она притворяется, будто еще не видела Клайда, даже и не знала, что он приехал.

– Как, вы здесь? Вот замечательно! У Крэнстонов? Просто великолепно, совсем рядом с нами. Ну, значит, будем часто видеться, правда? Хотите завтра покататься верхом, часов в семь утра? Мы с Бертиной скачем почти каждый день. Если ничто не помешает, мы завтра устроим пикник, покатаемся на байдарках и на моторной лодке. Это ничего, что вы не очень хорошо ездите верхом, – я скажу Бертине, чтобы вам дали Джерри: он смирный, как овечка. И насчет костюма тоже не беспокойтесь: у Грэнта куча всяких вещей. Ближайшие два танца я танцую с другими, а во время третьего выйдем и посидим, хотите? Тут на балконе есть чудный уголок.

И она отошла, сказав ему взглядом: «Мы понимаем друг друга…»

А потом в этом темном уголке, где никто их не видел, она притянула его голову к себе и горячо поцеловала в губы. Прежде чем окончился вечер, им удалось уйти от всех, и они бродили, обнявшись, по тропинке вдоль берега при свете луны.

– Сондра так рада, что Клайд здесь! Она так соскучилась!

Она гладила его по волосам, а он целовал ее – и вдруг, вспомнив о мрачной тени, которая их разделяла, порывисто, с отчаянием сжал ее в объятиях.

– Моя дорогая маленькая девочка, – воскликнул он, – моя прелестная, прелестная Сондра! Если бы вы только знали, как я люблю вас, если б вы знали! Как бы я хотел рассказать вам все! Как бы я хотел…

Но он не мог рассказать – ни теперь, ни потом, – никогда. Как бы он осмелился сказать ей хотя бы слово о мрачной преграде, стоящей между ними? Сондра с ее воспитанием, с усвоенными ею понятиями о любви и браке никогда его не поймет, никогда не согласится принести так много в жертву любви, как бы она его ни любила. Она тотчас оставит его, покинет, – и какой ужас отразится в ее глазах!

Однако теперь, когда он сжимал ее в объятиях, она, глядя в его глаза, – от лунного света в них вспыхивали электрические искорки, – в его бледное, напряженное лицо, воскликнула:

– Клайд так сильно любит Сонду? Милый мальчик! Сонда тоже его любит, очень-очень! – Она охватила его голову обеими руками и стала быстро и горячо целовать. – И Сонда не откажется от своего Клайда. Ни за что. Только подождите – и увидите. Теперь что бы ни случилось, все пустяки! Может быть, это будет нелегко, но Сонда не оставит Клайда! – А потом вдруг деловым тоном – это было так характерно для нее – заявила: – Ну, теперь мы должны идти, сейчас же. Нет, больше никаких поцелуев. Нет, нет! Сонда сказала: нет. Нас могут хватиться.

И, поправив прическу, она взяла его за руку и побежала обратно к дому, как раз вовремя, так как навстречу им попался Палмер Тэрстон, который уже искал ее.

На следующее утро, около семи часов, как и обещала Сондра, состоялась поездка на мыс Вдохновения. Бертина и Сондра были в ярко-красных жакетах для верховой езды, в белых бриджах и черных сапожках, волосы их свободно развевались по ветру; они опять и опять уносились вперед, а потом возвращались к Клайду; или же Сондра весело окликала его, предлагая их догнать; или обе они, смеясь и болтая, скрывались от него далеко впереди, меж деревьев, словно в потаенном уголке лесного храма, где он не мог их видеть. Бертина, заметив, как Сондра в эти дни поглощена Клайдом, начала думать, что дело может окончиться свадьбой, если только не помешают семейные осложнения, а потому сияла улыбками, вся – воплощенное радушие; она премило настаивала, чтобы Клайд приехал к ним на все лето, и обещала покровительствовать влюбленным, – тогда никто не сможет придраться. И Клайд то трепетал от восторга, то вдруг мрачнел, невольно возвращаясь к мысли, которую подсказало ему газетное сообщение, – и все же боролся с нею, пытаясь ее отбросить.

В одном месте Сондра свернула по крутой тропинке вниз к роднику, который пробивался среди мхов и камней в тени деревьев.

– Сюда, Клайд! – позвала она. – Джерри знает дорогу, он не поскользнется. Выпейте воды. Говорят, кто напьется из этого источника, тот скоро опять сюда вернется.

И когда он соскочил с седла, продолжала:

– Я хочу вам кое-что сказать. Видели бы вы вчера вечером мамино лицо, когда она услышала, что вы здесь! Конечно, она не может знать наверно, что я просила пригласить вас, – ведь она думает, что это Бертина вами интересуется. Я ее в этом убедила. Но все-таки, мне кажется, она подозревает, что и я тут замешана, и это ей очень не нравится. Но она ничего не может прибавить к тому, что сказала раньше. А я сейчас поговорила с Бертиной, и она согласна помогать мне, чем только может. Но нам надо быть как можно осторожнее, потому что, если мама станет слишком много подозревать, я даже не знаю, что она сделает… пожалуй, решит сейчас же уехать отсюда, чтобы мне нельзя было с вами видеться. Понимаете, она не допускает и мысли, что я могу увлечься кем-то, кто ей не по душе. Вы же знаете, как это бывает. Она и со Стюартом так. Но вы будьте осторожнее и делайте вид, что я вас очень мало интересую, особенно когда поблизости есть кто-нибудь из наших, – и тогда, я думаю, она ничего не станет предпринимать, – по крайней мере не сейчас. А потом, осенью, когда мы вернемся в Ликург, все будет по-другому. Я уже буду совершеннолетняя, и тогда посмотрим! Я еще до сих пор никого не любила, но вас я люблю и не откажусь от вас – вот и все. Не хочу. И они не смогут меня заставить, ни за что!

И она топнула ногой. Лошади мирно, безучастно глядели по сторонам. А Клайд, восхищенный и удивленный этим вторым, столь решительным, изъявлением ее чувств, воспламененный мыслью, что именно теперь он может предложить ей бегство и брак и, значит, избавиться от нависшей над ним угрозы, смотрел на Сондру с тревожной надеждой и страхом. Ведь она может отказать, может сразу перемениться, шокированная его неожиданным предложением. И потом, у него нет денег, и он не представляет себе, куда они могли бы уехать, если бы она согласилась. Но, может быть, она что-нибудь придумает? Если уж она согласится, так почему бы ей не помочь ему? Это ясно. Во всяком случае, он должен заговорить, а там – будь что будет. И он начал:

– А почему бы вам не уехать со мной теперь же, Сондра, дорогая? До осени еще так далеко, а я так люблю вас! Давайте уедем? Все равно ваша мама никогда не позволит вам выйти за меня замуж. Но если мы уедем теперь, она ничего не сможет сделать. А после, через несколько месяцев, вы ей напишете, и она вас простит. Уедем, Сондра?

Его голос звучал горячей мольбой, глаза были полны печали, страха перед отказом и перед тем, что ждало его после.

Сондре передался его трепет, порожденный глубоким волнением, и она медлила с ответом; ее нимало не оскорбило его предложение, напротив – она была по-настоящему взволнована и польщена мыслью, что могла пробудить в Клайде такую нетерпеливую и безрассудную страсть. Он так стремителен, так пылает огнем, который она сама зажгла, хотя она и не способна чувствовать столь же пылко… Никогда еще она не видела такой пламенной любви. И разве не чудесно – бежать с ним теперь… тайно… в Канаду, Нью-Йорк или Бостон – куда-нибудь! А какое волнение поднялось бы тогда здесь, в Ликурге, в Олбани, в Утике! Какие разговоры и тревога у нее дома и повсюду! И Гилберт волей-неволей оказался бы с нею в родстве, и все Грифитсы, которыми так восхищаются ее мать и отец.

Одно мгновение в ее глазах читалось желание и почти решимость сделать, как он просил: бежать с ним, превратить свою пылкую, неподдельную любовь в грандиозную забаву. Раз они поженятся, что могут сделать ее родители? И разве Клайд недостоин ее и ее семьи? Конечно, достоин, хотя почти все в ее кругу воображают, будто он не бог весть какое сокровище, просто потому, что у него не так много денег, как у них. Но ведь деньги у него будут… Он женится на ней – и получит такое же хорошее место на предприятии ее отца, какое занимает Гил Грифитс на фабрике своего отца.

Но через мгновение, подумав о своей жизни здесь, о том, в какое положение она поставит своих родителей, уехав таким образом, в самом начале летнего сезона, и о том, что это разрушит все ее собственные планы и чрезвычайно рассердит мать (может быть, она даже потребует

расторжения брака на том основании, что дочь несовершеннолетняя), Сондра опомнилась, и задорный блеск в ее глазах сменился столь характерной для нее серьезной практичностью. В сущности, что стоит подождать несколько месяцев! А это, конечно, спасет Клайда от разлуки с нею, тогда как бегство может повести к тому, что их разлучат навсегда.

Поэтому она ласково, но решительно покачала головой, и Клайд понял, что он потерпел поражение – самое тяжкое и непоправимое поражение, какое только могло его постигнуть. Она с ним не уедет! Значит, он погиб… погиб… и она, быть может, навсегда для него потеряна. Господи! А лицо Сондры озарилось нежностью, необычайной для нее даже в минуты самого глубокого волнения.

– Я согласилась бы, милый, если б не думала, что нам не стоит так делать, – сказала она. – Это было бы слишком поспешно. Мама сейчас ничего не предпримет, я знаю. И потом, у нее столько планов, она хочет устроить этим летом целую массу приемов, – все для меня. Она хочет, чтобы я была любезна с… ну, вы знаете, о ком я говорю. Ну и что ж, все это нам никак не помешает; я не сделаю ничего такого, что могло бы напугать маму. – Сондра ободряюще улыбнулась ему. – Но вы можете приезжать сюда так часто, как захотите, и ни у мамы, ни у кого другого это не вызовет никаких подозрений, потому что вы будете не нашим гостем, понимаете? Я обо всем уговорилась с Бертиной. И, таким образом, мы можем видеться с вами здесь все лето, сколько захотим, понимаете? А осенью я вернусь в Ликург, и, если тогда я никак не смогу расположить к вам маму и убедить ее, что мы помолвлены, – ну, тогда я с вами убегу. Да, убегу, милый, это чистая правда! Милый! Осенью!..

Она замолчала, и ее взгляд говорил, что она очень ясно представляет себе все стоящие перед ними практические затруднения. Она взяла его за руки и посмотрела в лицо. Потом порывисто обвила руками его шею и поцеловала.

– Неужели вы не понимаете, дорогой? Ну, пожалуйста, милый, не глядите так печально. Сондра так любит своего Клайда! Она сделает все, все, чтобы он был счастлив. Сделает! И все будет хорошо. Подождите – и увидите. Сондра никогда не откажется от своего Клайда, никогда!

Клайд понимал, что у него нет ни одного довода, чтобы переубедить ее, – решительно ни одного, который не заставил бы ее почувствовать, как странно и подозрительно его тревожное нетерпение, – и что из-за требования Роберты (если только… если только… ну, если Роберта его не отпустит) отказ Сондры означает для него катастрофу. И он печально, даже с отчаянием, смотрел ей в лицо. Какая она красивая! Как прекрасен ее мир! А ему не дано владеть ни ею, ни этим миром – никогда! Всему помеха – Роберта, ее требование и его обещание. И нет никакого спасения, кроме бегства. Боже!

Взгляд его стал напряженным, почти безумным – в нем появилась необычайная сила, – это был взгляд человека, стоящего на грани помешательства; так еще никогда не случалось с Клайдом за всю его жизнь, и Сондра заметила странную силу этого взгляда. Клайд казался таким больным, надломленным, безмерно отчаявшимся, что Сондра воскликнула:

– Да что с вами, Клайд, милый? У вас глаза такие… даже не знаю какие… несчастные или… Клайд так сильно меня любит? Но разве он не может подождать только три или четыре месяца? Да нет же, конечно, может! Это не так страшно, как ему кажется. Он почти все время будет со мной, милый мой мальчик. А когда его здесь не будет, Сондра будет писать ему каждый день, каждый день!

– Но, Сондра, Сондра, если б я мог сказать вам все! Если б вы знали, как много это для меня значит!

Он запнулся, потому что увидел в это мгновение в глазах Сондры чисто деловой, практический вопрос: почему ей так необходимо сейчас же с ним бежать? И Клайд тотчас почувствовал, какое огромное влияние имеет на нее среда… как безраздельно она принадлежит своему миру… и как легко ее спугнуть чрезмерной настойчивостью: пожалуй, она начнет в нем сомневаться, побоится сделать неосторожный шаг… Надо отказаться от этой попытки. Иначе

она, конечно, станет его расспрашивать – и это может настолько охладить ее чувство, что не останется даже мечты об осени…

И поэтому, вместо того чтобы объяснить, почему так необходимо ее решение, он попросту отступил:

– Это все потому, что вы так нужны мне, дорогая, – все время нужны. В этом все дело. Иногда мне кажется, что я больше ни минуты не могу жить вдали от вас. Я так жажду вас!

Но Сондра, хотя и очень польщенная его пылким чувством, которое отчасти разделяла, все же в ответ только повторила то, что уже сказала раньше. Они должны ждать. Осенью все окончится благополучно. И Клайд, совершенно ошеломленный неудачей, не мог отрицать, что он и теперь счастлив с нею; он постарался, как умел, скрыть свое настроение… и думал, думал, думал… быть может, есть какой-то выход… какой-нибудь… может быть, даже та мысль насчет лодки… или что-нибудь еще…

Но что?

Но нет, нет, нет – только не это! Он не убийца и никогда не будет убийцей. Не будет, никогда… никогда… никогда…

Значит – потерять все.

Неизбежная катастрофа.

Неизбежная катастрофа.

Как же избежать ее и завоевать Сондру?

Как, как, как?

Глава XLIV

А рано утром в понедельник, вернувшись в Ликург, он нашел следующее письмо от Роберты:

«Дорогой Клайд! Я часто слышала поговорку: «Пришла беда – отворяй ворота» – но только сегодня узнала, что это значит. Чуть ли не первым, кого я увидела сегодня утром, был наш сосед мистер Уилкокс. Он пришел сказать, чтобы я не рассчитывала сегодня на миссис Энс, потому что ей нужно кое-что сшить для миссис Динуидди в Бильце, хотя вчера, когда она уходила, все уже было приготовлено: мне нужно было бы сегодня только немного помочь ей с шитьем, чтобы ускорить дело. А теперь она придет только завтра. Потом нас известили, что сестра мамы, миссис Николс, серьезно больна, и маме пришлось поехать к ней в Бейкерс-Понд (это почти двенадцать миль отсюда). Том повез ее, хотя ему нужно было помогать отцу, – ведь на ферме столько работы. И я не знаю, сможет ли мама вернуться до воскресенья. Если бы я чувствовала себя лучше и не была бы так занята шитьем, я бы, наверно, тоже поехала с нею, хотя она и уверяла, что это ни к чему.

Вдобавок Эмилия и Том, считая, что мои дела идут прекрасно и я могу повеселиться, пригласили на сегодняшний вечер четырех девушек и четырех молодых людей: они задумали что-то вроде летней вечеринки при лунном свете. Эмилия хотела с моей и маминой помощью приготовить мороженое и пирог. И теперь ей, бедняжке, приходится звонить во все концы от мистера Уилкокса и откладывать вечеринку до будущей недели. И она, конечно, совсем расстроилась и приуныла.

Что до меня, то я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Но, знаешь, милый, должна признаться, это очень трудно. Ведь до сих пор я говорила с тобой только три раза по телефону и услышала, что у тебя, наверно, не будет до пятого июля необходимых денег. И в довершение всего я только сегодня узнала, что мама и папа думают съездить к дяде Чарли в Хемилтон; они погостят у него с четвертого до пятнадцатого и хотят взять меня с собой, если только я не решу вернуться в Ликург. А Том и Эмилия поедут к сестре в Гомер. Но я не могу ехать, ты сам понимаешь. Я слишком больна и измучена. Прошлую ночь у меня была страшная рвота, а сегодня весь день я едва держусь на ногах и просто с ума схожу от страха.

Милый, как же нам быть? Может быть, ты приедешь за мной до третьего июля? Третьего они уезжают в Хемилтон, и ты непременно должен за мной приехать, ведь я никак не могу поехать с ними. Это за пятьдесят миль отсюда. Я могла бы сказать им, что согласна ехать, если б только ты наверняка приехал за мной до их отъезда. Но я должна точно знать, что ты приедешь, – совершенно точно!

Клайд, с тех пор как я здесь, я только и делаю, что плачу. Если бы ты был со мной, мне не было бы так плохо. Я стараюсь быть храброй, милый, но иногда поневоле думаю, что ты, может быть, никогда не приедешь за мной. Ведь ты ни разу не написал мне ни строчки и только три раза говорил со мной по телефону за все время, что я здесь. Но я убеждаю себя, что ты не можешь быть таким низким, тем более что ты мне обещал… Ведь ты приедешь, правда? Почему-то меня теперь все так тревожит, и я так боюсь, Клайд, милый. Я думаю о прошлом лете и о теперешнем и обо всех своих мечтах… Милый,

ведь ты, наверно, мог бы приехать и на несколько дней раньше, – какая разница? Все равно, пускай у нас будет немножко меньше денег. Не бойся, мы проживем и так. Я буду очень бережливой и экономной. Постараюсь, чтобы к этому времени мои платья были готовы, а если нет, – обойдусь и старыми, а эти закончу после. И постараюсь быть совсем мужественной, милый, и не очень надоедать тебе, лишь бы ты приехал. Ты должен приехать, Клайд, ты же знаешь! Иначе невозможно, хотя ради тебя я хотела бы найти другой выход.

Пожалуйста, Клайд, пожалуйста, напиши мне, что ты и правда приедешь за мной в конце того срока, который ты сам назначил. Я так беспокоюсь, и мне так одиноко здесь. Если ты не приедешь вовремя, я сразу же вернусь в Ликург, чтобы тебя увидеть. Я знаю, ты будешь недоволен, что я так говорю, но, Клайд, я не могу оставаться здесь, вот и все. И с папой и мамой я тоже не могу поехать, так что выход только один. Наверно, я ни на минуту не засну сегодня ночью. Умоляю тебя, напиши мне и повтори еще и еще, что мне нечего беспокоиться насчет твоего приезда. Если б ты мог приехать сегодня, милый, или в конце этой недели, я бы не тосковала так. Но ждать еще почти две недели!.. У нас в доме уже все улеглись, и мне пора кончать.

Пожалуйста, милый, напиши мне сейчас же, а если не можешь, обязательно позвони завтра по телефону, потому что у меня не будет ни минуты покоя, пока я не получу от тебя хоть какой-нибудь весточки.

Твоя несчастная *Роберта.*

P. S. Письмо вышло ужасное, но я просто не могла написать лучше. Я так убита».

Но в тот день, когда это письмо пришло в Ликург, Клайда там не было, он не мог сейчас же ответить. И потому Роберта в самом мрачном, истерическом настроении, наполовину убежденная, что он, вероятно, уже уехал куда-нибудь далеко, ни словом ее не известив, в субботу написала ему снова – и это было уже не письмо, а крик, истерический вопль.

«Бильц, суббота, 14 июня.

Дорогой Клайд!

Предупреждаю тебя, что возвращаюсь в Ликург. Я просто не в силах оставаться здесь дольше. Мама тревожится и не понимает, почему я так много плачу. Я теперь чувствую себя совсем больной. Я знаю, помню, я обещала пробыть здесь до двадцать пятого или двадцать шестого, но ведь и ты обещал писать мне, а ничего не пишешь, только иногда скажешь несколько слов по телефону, и я просто с ума схожу. Я проснулась сегодня утром и сразу расплакалась – никак не могла сдержаться, и теперь у меня ужасно болит голова.

Я так боюсь, что ты не захочешь приехать, мне так страшно, милый! Умоляю тебя, приезжай и увези меня куда-нибудь, все равно куда, лишь бы мне уехать отсюда и не мучиться так. Я очень боюсь, что сейчас, когда я в таком состоянии, папа и мама могут заставить меня рассказать им все или сами обо всем догадаются.

Клайд, ты никогда не поймешь, что со мной. Ты сказал, что приедешь, и я иногда этому верю. А иногда я начинаю думать совсем другое, особенно когда ты не пишешь и не звонишь по телефону, и уже не сомневаюсь, что больше тебя не увижу. Если б ты написал, что приедешь, я могла бы еще потерпеть здесь. Как только получишь это письмо, сейчас же напиши мне и точно укажи день,

когда приедешь. Но не позже первого, пожалуйста, потому что я больше не могу. Дольше первого я здесь не останусь. Клайд, я самая несчастная девушка на свете, и это все из-за тебя. Нет, милый, я не то хотела сказать. Ты был добр ко мне когда-то и теперь тоже, ведь ты обещал за мной приехать. Я буду так благодарна тебе, если ты приедешь поскорее! Когда ты будешь читать это письмо, ты, наверно, подумаешь, что я неблагоразумна, но, пожалуйста, не сердись, Клайд! Только пойми: я просто с ума схожу от горя и беспокойства, просто не знаю, что мне делать. Умоляю тебя, напиши мне, Клайд! Если бы ты знал, как я жду хоть слова от тебя!
Роберта».

Этого письма, вместе с угрозой приехать в Ликург, было достаточно, чтобы привести Клайда почти в такое же состояние, в каком была Роберта. Подумать только, что у него больше нет ни одного благовидного предлога, чтобы убедить Роберту подождать с этим ее окончательным и бесповоротным требованием. Он отчаянно напрягал мозг. Нельзя писать ей длинные компрометирующие письма: это было бы безумием, раз он решил не жениться на ней. Притом он весь был еще под впечатлением объятий и поцелуев Сондры. В таком настроении он не мог написать Роберте, даже если бы и хотел.

И, однако, он понимал: Роберта в отчаянии, и надо немедленно что-то сделать, как-то успокоить ее. Через десять минут после того, как он дочитал второе письмо, он уже пытался вызвать ее по телефону. После получасовых нетерпеливых усилий ему наконец удалось дозвониться, и он услышал ее голос, слабый и, как ему вначале показалось, раздраженный (на самом деле им просто было плохо слышно друг друга).

– Алло, Клайд, алло! Я так рада, что ты позвонил! Я страшно волновалась. Ты получил мои письма? А я уже собиралась утром уехать отсюда, если ты до тех пор не позвонишь. Я просто не могу, когда от тебя нет никаких вестей. Где ты был, дорогой? Помнишь, что я писала тебе про маму с папой? Они уезжают. Почему ты не пишешь, Клайд, или хоть не звонишь чаще? Как насчет того, что я тебе писала про третье число? Ты приедешь, это наверно? Или мне встретить тебя где-нибудь? Я так нервничала последние три-четыре дня, но теперь, когда я опять с тобой поговорила, может быть, я смогу немножко успокоиться. Пиши мне каждые два-три дня хоть по нескольку слов, непременно! Почему ты не хочешь, Клайд? Ты мне ни разу не написал за то время, что я здесь. Не могу передать тебе, в каком я состоянии. Мне слишком трудно держать себя в руках.

Очевидно, Роберта была очень расстроена и встревожена, если говорила так. В сущности, казалось Клайду, она разговаривает очень неосторожно; правда, дом, откуда она говорит, в это время совершенно пуст. Она объяснила, что она там совсем одна и никто не может ее услышать, но Клайда это мало успокоило. Он не желал, чтобы она называла его по имени и упоминала о своих письмах к нему.

Стараясь говорить не слишком ясно, он дал ей понять, что очень занят и что ему трудно писать ей так часто, как она считает нужным. Ведь он же говорил ей, что приедет двадцать восьмого или около этого, если сможет. Он и приехал бы, если бы мог, но похоже, что ему придется отложить свой приезд еще на неделю, даже немного больше: до седьмого или восьмого июля. Тогда он успеет собрать еще пятьдесят долларов, – у него на этот счет есть кое-какие соображения, эти деньги ему совершенно необходимы. А на самом деле (такова была задняя мысль Клайда) тогда он успеет в конце следующей недели, – он так жаждал этого, – еще раз навестить Сондру. И вдруг это требование Роберты! Не может ли она поехать со своими родителями на неделю-другую, а потом он приедет за ней или она приедет к нему? Тогда у него будет больше времени…

Но Роберта в ответ разразилась потоком горьких упреков и заявила, что, если так, она, безусловно, сейчас же вернется в Ликург к Гилпинам и не станет тратить ни дня на то, чтобы

готовиться к отъезду и понапрасну ждать Клайда, раз он и не собирается приезжать… И тут Клайд вдруг решил, что можно с таким же успехом пообещать ей приехать третьего; а если он и не приедет, то в крайнем случае тогда сговорится с нею, где им встретиться. Ибо даже теперь он не решил, что будет делать. Ему нужно еще немного времени, чтобы подумать… немного времени, чтобы подумать…

И потому он сказал совсем другим тоном:

– Ну, послушай, Берта! Не сердись на меня, пожалуйста. Ты так говоришь, будто у меня нет никаких забот в связи с нашим отъездом. Ты не знаешь, чего мне может стоить такой шаг. Не так-то просто со всем покончить, а тебя, видно, это мало трогает. Я знаю, тебе тяжело и все такое, ну а мне каково? Я делаю все, что только в моих силах, я должен обо всем подумать. Неужели ты не можешь просто потерпеть до третьего? Пожалуйста, потерпи. Я обещаю писать, а если не смогу, то буду через день тебе звонить. Хорошо? Но я ни в коем случае не хочу, чтобы ты называла меня по имени, как только что. Это наверняка может привести к неприятностям. Пожалуйста, не делай этого. В следующий раз, когда я буду звонить тебе, я просто скажу, что тебя спрашивает мистер Бейкер, понимаешь? А ты после можешь сказать, что это кто-нибудь из твоих знакомых. А если в крайнем случае что-нибудь помешает нам выехать именно третьего, – ну, тогда, если хочешь, приезжай сюда или куда-нибудь поблизости от Ликурга, и потом мы двинемся при первой же возможности.

Он говорил так мягко и умоляюще (но лишь потому, что был вынужден к этому), в его голосе слышалась прежняя нежность и кажущаяся беспомощность, которая когда-то совершенно покоряла Роберту и даже теперь пробудила в ней странное, лишенное всякого основания чувство благодарности. И она тотчас кротко, даже ласково ответила:

– Нет, нет, милый, теперь я потерплю. Я не хочу беспокоить тебя, ты же знаешь. Это только сейчас так вышло, потому что мне было очень плохо и я не могла с собой справиться. Ты это понимаешь, Клайд, правда? Я не могу не любить тебя. И, наверно, всегда буду любить. И я совсем не хочу огорчать тебя, милый, правда! Я постараюсь больше так не делать!

И Клайд, услышав в ее голосе нотку искренней нежности и вновь почувствовав свою прежнюю власть над нею, готов был снова разыграть влюбленного, лишь бы только Роберта была не слишком непреклонна и не требовала, чтобы он немедленно ее увез. Хотя он больше не любит ее, – говорил себе Клайд, – и не думает на ней жениться, но ради той, другой, ради своей мечты он может, по крайней мере, быть добрым к ней, не так ли? Притвориться! Итак, разговор кончился примирением, основанным на их новом уговоре.

Накануне (в тот день кипучая жизнь на озерах, откуда он только что возвратился, немного стихла) Клайд, Сондра, Стюарт и Бертина с Ниной Темпл и молодым человеком по имени Харлей Бэгот, гостем Тэрстонов, проехали на автомобиле сначала к Бухте Третьей мили (небольшое дачное место примерно в двадцати пяти милях к северу от Двенадцатого озера), а оттуда, между двух стен огромных елей, – на озеро Большой Выпи и другие меньшие озера, затерянные в глуши бора, простиравшегося на север от озера Трайн. Клайд вспомнил теперь, какое странное впечатление произвели на него эти глухие, почти безлюдные места. То были дебри в самом полном смысле слова. Узкие, размытые дождем грязные дороги с глубокими колеями извивались меж высоких, молчаливых и сумрачных деревьев, повитых траурными гирляндами ядовитых ползучих растений; и лесу этому, казалось, не будет конца. Жуткие, таинственные, непролазные трясины и топи виднелись по сторонам этих дорог; там и сям они были, точно покинутые поля сражений, усеяны трупами деревьев: пропитанные сыростью гниющие стволы, наваленные друг на друга иногда в четыре яруса, вязли в зеленом иле. На поросших лишаями или мхом пнях и гнилых корягах блестели глаза и спинки лягушек, безмятежно греющихся в лучах июньского солнца; в воздухе вилась мошкара; изредка мелькал хвост змеи, потревожен-

ной неожиданным появлением машины и нырявшей в густые заросли ядовитых трав и водяных растений.

Почему-то при виде одного из этих болот Клайд вспомнил о несчастном случае на озере Пасс. Сам того не понимая, он подсознательно оценивал уединенность этого заброшенного места: она может иной раз оказаться полезной. И вдруг странная водяная птица с резким криком пролетела где-то близко и скрылась в темной чаще леса. От этого крика Клайд даже вздрогнул и привстал в машине: никогда еще он не слыхал, чтобы так кричала птица.

– Что это? – спросил он у Харлея Бэгота, который сидел рядом с ним.

– Что именно?

– Как будто птица… что-то сейчас пролетело там, позади…

– Я не слышал никакой птицы.

– Ну, разве? И такой странный крик. У меня просто мороз пошел по коже!

В этом почти необитаемом краю Клайда особенно поражало множество уединенных озер, о существовании которых он никогда прежде не слыхал. Вся местность, по которой они сейчас ехали так быстро, как только позволяли покрытые непролазной грязью дороги, была испещрена озерами, затерянными среди густых хвойных лесов. И лишь очень редко можно было заметить какие-нибудь признаки жилья, к которому вела едва приметная тропинка либо песчаная или ухабистая дорога, исчезавшая среди темных деревьев. В большинстве берега самых дальних озер были почти необитаемы, и одинокая хижина или далекий домик, видневшиеся над гладью вод какого-нибудь самоцвета в оправе из елей, вызывали всеобщее любопытство.

Но почему ему все вспоминается то озеро в Массачусетсе! Та лодка! Тело девушки нашли, а тело ее спутника – нет… Какой все-таки ужас!

Потом, сидя у себя в комнате после разговора с Робертой, он вспомнил, что еще через несколько миль машина наконец выехала на открытое пространство в северной части длинного узкого озера. Южную часть его отделял островок или мыс, за которым, должно быть, озеро тянулось еще далеко, с изгибами и поворотами, не видными с того места, где остановился автомобиль. Оно казалось совсем пустынным, если не считать небольшой гостиницы и сарая для лодок в ближнем конце. На всем озере они не увидели в тот час ни одной байдарки или лодки. И как у всех других озер, мимо которых они проезжали, по берегам его, вплоть до самой воды, стояли на страже все те же высокие темно-зеленые островерхие ели с раскидистыми ветвями, совсем как дерево за его окном в Ликурге. А вдалеке на юго-западе вздымались горбатые спины мягко очерченных зеленых Адирондакских гор. По озеру шла рябь от легкого ветерка, вода его, блестевшая на солнце, была густого тона берлинской лазури, почти черная; это означало, как после сообщил проводник, бездельничавший на низкой веранде маленькой гостиницы, что здесь очень глубоко:

– Тут все семьдесят футов будет, прямо в каких-нибудь ста футах от пристани.

Харлея Бэгота интересовало, хороша ли здесь рыбная ловля (его отец предполагал через несколько дней приехать в эти края), и он спросил у проводника, который, казалось, и не глядел на сидевших в автомобиле:

– А какой длины это озеро?

– Около семи миль.

– А как насчет рыбы?

– Закиньте удочку и увидите. Лучшее место во всей округе для рыбы вроде черного окуня. Вон там, за островом, на южной стороне, есть маленькая бухта, так она считается лучшим местом для рыбной ловли на всех здешних озерах. Я раз видел, как двое наловили семьдесят пять рыбин за два часа. Этого, пожалуй, хватит всякому, кто не собирается начисто разорить наше озеро. – И проводник, высокий, сухощавый, с длинной узкой головой, с лицом, изрезанным морщинами, грубовато засмеялся, оглядывая приезжих маленькими проницательными ярко-голубыми глазами. – Думаете нынче попытать счастья?

– Нет, это я не для себя спрашиваю… Может быть, сюда приедет на будущей неделе мой отец. Я хотел знать, можно ли тут прилично устроиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.